

Игорь Орлав

Версия для близких

КодМы

Психологическая драма

Игорь Орлав

Версия для близких

«Автор»

2026

Орлав И.

Версия для близких / И. Орлав — «Автор», 2026

Вера уезжает ранним поездом, оставив записку, незаконченный заказ и планы на общий дом. Андрей уверен, что её измотала работа. Лида видит причину в отношениях с ним. Младший брат винит свой невозвращённый долг. У каждого есть доказательства — и воспоминания, которые не укладываются в чужую версию. Пока трое близких разбираются с последствиями отъезда, письма и рабочие записи Веры меняют смысл привычных разговоров. Но сможет ли она сама рассказать о своём решении, не превращая его в удобное оправдание?

Содержание

Андрей. Записка	5
Лида. Четырнадцать	7
Павел. До октября	9
Вера. Место у прохода	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Игорь Орлав

Версия для близких

Андрей. Записка

Я выдернул из стиральной машины рукав Вериной блузки, застрявший между дверцей и резинкой, и только тогда увидел записку. Она была приклеена к коробке с порошком. Сначала я прочёл последнюю строчку: «Белое отдельно, там новая наволочка».

Остальное не помещалось в утро.

«Я уехала в Зареченск. Со мной всё в порядке. Мне предложили работу, я согласилась. В десять позвоню из поезда. Письмо тебе в верхнем ящике. Пожалуйста, пока не звони Лиде и Паше, я напишу сама».

Я посмотрел на часы. Шесть двадцать. В это время Вера обычно ставила чайник, а я притворялся спящим ещё семь минут. Семь, потому что на восьмой минуте она приходила и сообщала, что чайник уже прожил целую жизнь.

На столе лежала половина хлеба. Нож был вымыт. В прихожей не осталось её ботинок на толстой подошве; домашние тапки стояли носами к стене. Всё это я заметил сразу и зачем-то проверил балкон. Как будто женщина могла уехать на работу в другой город и остаться развешивать бельё.

Верхний ящик не открывался. Вера набила его каталогами фурнитуры, и один из них поднялся, упершись в столешницу. Я тянул за ручку, потом перестал. У меня дрожали пальцы. Человек, который оставляет письмо, мог бы убедиться, что его удастся достать.

Я набрал её номер. На втором гудке сбросил. Отправил: «Ты действительно в поезде?»

Ответ пришёл сразу: «Да. Прости. Я позвоню в десять».

Я написал: «Работа на сколько?»

Три точки появлялись и исчезали. Наконец: «Договор на девять месяцев».

В пятницу мы собирались снова ехать к дому. Хозяин обещал включить отопление, чтобы мы увидели, как оно работает. Я помнил, как Вера стояла в его будущей кухне, засунув руки в карманы, и говорила, что здесь поместится большой стол. Вечером я нарисовал на бумаге два варианта. В одном стол мешал проходу, в другом нужно было перенести дверь. Мы смеялись, что ради стола легче перенести сам дом.

Я открыл наш разговор за прошлый вечер. «Купишь молока?» — «Да». «Безлактозное закончилось, взял обычное». — «Подойдёт». Ни одной фразы, с которой можно было начать сегодняшнее утро.

Работу ей предложили в театре. Про Зареченск я уже слышал: там после ремонта открывали старую сцену, собирали новую постановочную часть. Три недели назад Вера показала мне объявление, где требовался человек, умеющий вести костюмерную и работать с одеждой. Я сказал, что она подходит. Она спросила, как мы будем жить, если она подастся туда.

— Давай сначала узнаем условия, — ответил я.

На следующий день она рассказывала про заказ на школьные накидки. Я решил, что условия её не устроили. Это было вполне разумное объяснение, пока я не стоял босиком перед стиральной машиной.

Позвонить Лиде я всё-таки собирался. У неё была мастерская, в которой Вера проводила почти все вечера. Когда я приходил за ней, Лида обычно говорила: «Ещё десять минут», и ставила передо мной чай, словно заключала договор. Иногда я успевал выпить три чашки. Вера шила, не поднимая головы. На предложение уйти отвечала, что там совсем немного.

В прошлый вторник я принёс в мастерскую суп. Вера ела стоя, из контейнера. На щеке у неё отпечаталась дужка очков: она задремала прямо над тканью. Лида в соседней комнате разговаривала с заказчицей и обещала что-то к утру.

— Нельзя же так, — сказал я.

Вера подняла ложку.

— Можно хуже. Можно без супа.

Она улыбнулась, и я тоже. Теперь мне казалось, что улыбка была последней попыткой что-то объяснить. Я уже готов был назначить Лиду виноватой, когда заметил на холодильнике листок с нашим планом выходных. Дом. Строительный магазин. Забрать мои брюки. Между магазином и брюками Вериним почерком было вписано: «Поспать».

Я пошёл в душ, оделся, проверил, что машинка выключена. На работу позвонил и попросил освободить этот день. Причину назвал семейной. Мне было неприятно, что правильное слово подходит к ситуации, о которой я ничего не понимаю.

Потом нашёл длинную линейку, прижал ею поднявшийся каталог и открыл ящик.

Письмо лежало в конверте. На конверте было моё имя. Рядом — квитанция за обмер дома, который мы уже оплатили, и две пуговицы от моего пальто.

Я положил письмо на кухонный стол. До десяти оставалось три часа.

Лида. Четырнадцать

На столе лежали двадцать две синие накидки. Я пересчитала их трижды, хотя после первого раза всё было ясно. Остальные четырнадцать лежали на соседнем столе в виде аккуратных, бесполезных пока полукружий.

Вера всегда хорошо кроила. Даже сердиться на её работу было не за что: края совпадали, детали лежали по размерам, на каждой стопке — листок. Маленькие. Средние. Четыре больших. Я поправила листок на больших и только потом прочла сообщение.

«Лида, я уехала. В Зареченск, в театр. Всё, что успела, на столе. Журнал под машиной. Нина не сможет прийти. Я заплачу за помощь, сколько потребуется. Понимаю, что подвела. Позвоню после десяти».

Нина не сможет прийти.

Вот это я произнесла вслух. Про Зареченск можно было пока не произносить. А Нина была портнихой, которая приходила к нам на большие заказы. В среду Вера сказала, что договорится с ней. Я спросила: «Точно успеваем?» Вера ответила: «Успеваем».

В субботу в десять накидки должны были висеть в школьном зале. Дети собирались изображать реку. Я убеждала учительницу отказаться от длинных завязок: когда тридцать шесть человек изображают реку, они обязательно наступают друг на друга. Накидки придумала Вера — короткие, с широкими застёжками у плеча. По низу каждой шли три серебряные волны. Эти длинные узкие полосы отнимали больше времени, чем всё остальное: чуть потянешь ткань — и край начинал морщить. Учительница сначала огорчилась, что мало торжественности, потом увидела образец и обрадовалась.

Мы с Верой тоже обрадовались. Впервые за долгое время заказ был похож на нашу настоящую работу, а не на бесконечное укорачивание чужих брюк.

Я позвонила Нине. Она ответила из автобуса. Ничего нового: ещё вчера сказала Вере, что уезжает к внучке. Я пожелала им хорошо провести время, положила телефон и достала из-под машины зелёный журнал.

На первой странице было записано, сколько ткани куплено и сколько осталось. Дальше размеры, фамилии, расчёты. На последнем заполненном развороте — «Нина нет», обведённое дважды. Ниже: «Сказать Лиде до обеда». Под этой строчкой Вера нарисовала маленькую ножку стула. Она всегда рисовала мебель, пока ждала ответа по телефону.

Я села на свой настоящий стул. От него хотелось чего-то большего, чем просто не упасть.

В нашей мастерской было два помещения. Первое смотрело на улицу, второе — во двор, прямо на глухую кирпичную стену. Я принимала клиентов у окна, Вера работала во втором. Она сама выбрала заднюю комнату: там её не дёргали. Андрей говорил, что я посадила её в кладовку. Он вообще не любил нашу мастерскую. Считал, что женщина с таким умением должна зарабатывать больше и уходить домой вовремя. Тут он был прав. Но говорил так, будто я прятала её большую зарплату в коробке из-под пуговиц.

Я знала, почему она уехала.

В августе мы ездили смотреть их будущий дом. Андрей возил нас, как хозяин, хотя дом ещё продавался и хозяин ходил следом в шлёпанцах. Он показывал, куда выведет воду, где поставит рабочий стол. Вера молчала. Когда мужчины полезли на чердак, мы остались в кухне.

— Ну? — спросила я.

— Из города сюда два автобуса.

— Андрей же на машине.

Она подняла с пола пустую катушку, неизвестно как туда попавшую.

— А я?

Это были всего два слова. Я хорошо их запомнила.

Позже мы сидели на крыльце и ели яблоки. Андрей смешно изображал риелтора, который продавал бы лужу перед домом: собственный водоём, видовой участок, рыба по договорённости. Вера хохотала, опустив голову. Они умели быть счастливыми у всех на глазах; это всегда немного сбивало меня с толку. Я-то слышала, как она говорила про два автобуса.

После поездки я сказала ей:

— Ты ему прямо объясни. Что не хочешь.

— А если я вчера хотела?

Я ответила, что вчера не считается. Очень удобный совет, особенно когда даёшь его другому.

В половине девятого дверь открылась и вошёл Андрей. Он принёс пакет из булочной и выглядел человеком, который ещё не решил, куда его поставить.

— Она тебе написала?

— Написала.

— Ты знала?

Я отодвинула синий полукруг.

— А ты?

Он поставил пакет на ткань. Я сняла пакет. Мы некоторое время делали это молча: он двигал, я убирала. Потом Андрей посмотрел на накидки.

— Вот из-за этого она и уехала.

Я прижала ладонь к столу, чтобы не показать, как мне хочется вытолкнуть его за дверь вместе с булками.

— Думаешь, — сказала я, — только у тебя дома ей было хорошо?

Павел. До октября

Когда мне позвонил Андрей, я держал на плече шкафную дверь. Он спросил, разговаривал ли я с Верой. Я ответил, что не могу, и он сказал: «Ага» — таким голосом, что я сразу поставил дверь на пол.

Сообщение от сестры было. Я не заметил его среди рабочих фотографий. Она писала, что устроилась в театр, уехала утром, мама уже знает. Отдельно: «С машиной разберись сам, пожалуйста. Не рассчитывай на меня в субботу».

На субботу я записал её в сервис: отвезти мой фургон, пока я монтирую кухню. Сервис за городом, обратно надо ехать маршруткой. Я собирался потом купить сестре пирожные. Сам почему-то считал обмен справедливым.

Андрей сказал, что они в мастерской. Я пообещал зайти после монтажа. Потом попросил напарника закончить без меня и пошёл. Получилось глупо: Верина записка требовала, чтобы я разобрался сам, а я уже бросил своё дело, чтобы обсудить её.

В мастерской пахло хлебом и горячим утюгом. Лида шила. Андрей стоял у стены, точно пришёл получить пальто и ему не нравилась цена. Я отломил кусок булки. Есть хотелось ужасно; никто не предложил, я взял сам.

— Тут всё понятно, — сказал я.

Лида остановила машину.

— Как хорошо. У нас пока нет.

Я не хотел рассказывать про деньги. Но Андрей был белый какой-то, а Лида кусала губу. Они думали о вещах, которые, наверное, хуже денег.

Вера одолжила мне восемьдесят четыре тысячи на фургон. Без них я бы его не купил. Старую машину приходилось заводить с таким трудом, что поездка начиналась с чувства победы и уже не имела значения, куда едешь. На новой я мог возить длинные столешницы. Заказов сразу стало больше, только деньги за них приходили не сразу. Мы договорились, что верну всё к первому октября.

Две недели назад Вера спросила, не получится ли отдать двадцать тысяч раньше. Я сказал, что сейчас нет. Она ответила: «Ладно, ничего». И купила мне в магазине рабочие перчатки — хорошие, тонкие, в которых чувствуешь винт.

Вот почему я решил, что всё понял.

— Ей нужны деньги. Там зарплата. А я её подвёл.

Андрей посмотрел на меня так, будто я впервые стал человеком, с которым можно поговорить.

— Сколько?

— Это мои дела.

— Ты сам начал.

— Восемьдесят четыре.

Лида вытащила нитку из зубцов машины и промолчала. Её молчание мне понравилось больше, чем Андреев взгляд.

Я знал сестру дольше них. Когда мне было восемь, а ей восемнадцать, она забирала меня с занятий по рисованию. По дороге мы придумывали названия магазинам, если бы из вывесок украли по букве. Иногда смеялись так, что стояли у забора и не могли идти. Потом она покупала хлеб и несла сумку, а мне давала ключ, чтобы я открыл квартиру. Я долго думал, что мы оба одинаково помогали маме.

У Веры была манера: сначала сделать, потом сказать, что нетрудно. Я привык понимать это буквально. Она однажды собрала со мной кухонный ящик в воскресенье, когда мне не с кем было. Сидела на полу, придерживала направляющую. Вдруг сказала: «Мне бы тоже когда-

нибудь вещь собрать с самого начала». Я ответил, что могу дать ей второй ящик. Она засмеялась. Я решил, что удачно пошутил.

Лида протянула мне длинную полоску синей ткани.

— Раз можешь помочь, отмерь тридцать шесть отрезков. На картонке длина. Только сначала спроси у себя, сколько у тебя времени.

Я сказал, что до вечера. Потом вспомнил напарника и поправился:

— До половины двенадцатого.

— Вот и славно.

Андрей сел за соседний стол. Булки никто больше не ел. В десять у него зазвонил телефон, и все мы подняли головы так быстро, будто Вера вошла в комнату.

Вера. Место у прохода

Я купила верхнее место, хотя могла доплатить за нижнее. Мне хотелось совершить хотя бы одно действие, которое выглядело бы экономией. На вокзале я потратила эту разницу на кофе, сэндвич и ненужную бутылку воды. В сумке уже была вода, но доставать её означало вынуть свёрток с ножницами. Я боялась, что разверну ткань и увижу вещь из дома.

В пять сорок поезд тронулся. Я сидела на чужой нижней полке, ждала, когда попутчица уберёт сумку, и думала о том, что в сорок два года можно уехать из собственной жизни, а потом не знать, куда поставить ноги.

Попутчица оказалась удобной: спросила только, не дует ли мне. Я ответила, что нет. Это был первый за сутки ответ, который не требовал продолжения.

Когда пришло Андреево «на сколько», я уже хотела написать: «Пока не знаю». Потом набрала девять месяцев. Срок был указан в письме театра. Я читала его столько раз, что могла воспроизвести, где стояла запятая.

До вечера среды у меня оставалась возможность не ехать. Утром в среду администратор позвонила и сказала, что комната готова, ключи выдадут в четверг, в пятницу начнётся передача костюмерной. Человек, которого я должна была сменить, мог задержаться всего на два дня. Я спросила, нельзя ли начать с понедельника. Мне ответили, что тогда будут искать другого.

Это было настоящее условие, и я ухватила за него. Наконец появилась причина, которую можно предъявить: сейчас или никогда. Три недели перед этим выглядели уже не так удобно.

В первый понедельник я отправила резюме. Во вторник мне задали вопросы о работе. В пятницу попросили фотографии костюмов, которые я когда-то шила для любительского театра. Я нашла старую папку. На одном снимке стояла девочка в пальто с огромными карманами. В них по замыслу режиссёра помещался весь реквизит. Девочка была уже, наверное, взрослой женщиной, но я помнила, как она на примерке засунула в карман свой завтрак и очень серьёзно спросила, входит ли он в спектакль.

Мне хотелось снова заниматься такой работой. Не только чинить вещь после другого человека, а придумывать, как она будет жить на сцене. Заведующая костюмерной не становилась от этого художником, и в письме не обещали никаких чудес. Там обещали зарплату каждый месяц, место в мастерской, работу с постановщиками. Я должна была учитывать костюмы, готовить их к репетициям, организовывать починку и сама шить, когда потребуется. Я умела большую часть этого. Остальному хотела научиться.

В нашем городе такой вакансии не было. В Лидиной мастерской за последние полгода дважды не хватало денег на полную выплату. Я соглашалась подождать: аренду никто не откладывал. Андрей покрывал больше домашних расходов, и я была ему благодарна. Благодарность постепенно поселилась во всех моих покупках. Новые ножницы я объясняла дольше, чем выбирала. Андрей не требовал отчёта. Часто даже не слушал объяснение, и от этого мне становилось ещё досаднее.

За неделю до отъезда я начала писать письма. В телефон не получалось. Стоило увидеть своё имя над сообщением, и я представляла, как его прочтут. На бумаге можно было оставить строчку, к которой ещё не готова.

«Андрей, я не могу больше...»

Неправда. Могла. До конца недели, до октября, до покупки дома. Я и сейчас могла выйти на ближайшей станции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.